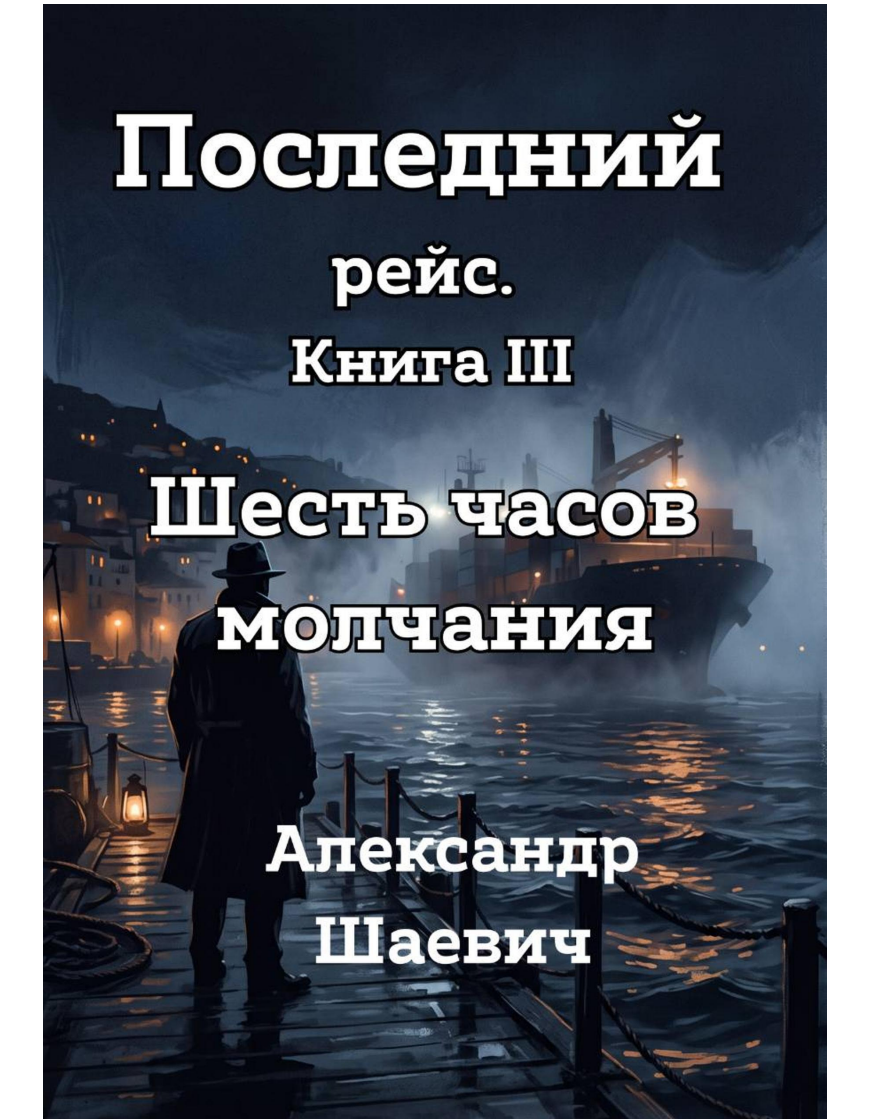


The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a man in a trench coat and hat stands on a wet wooden pier, looking out at the water. A small lantern is on the pier next to him. In the background, a large cargo ship is docked at a pier, with its lights reflecting on the water. The sky is dark and cloudy, and the overall mood is mysterious and noir.

Последний рейс.

Книга III

Шесть часов молчания

Александр
Шаевич

Александр Шаевич

Последний рейс. Книга

III. Шесть часов молчания

<https://litres.ru/74240698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Записка от человека, которого через час найдут мёртвым. Три строки, нацарапанные наспех, — и Ари Бен-Ари понимает: дело, которое он считал почти закрытым, только начинается.

Два года назад грузовое судно «Ахерон» замолчало на шесть часов посреди ночи. Официальная версия — техническая неисправность. Теперь бывший офицер израильской разведки и его партнёр, доктор Сара Арис, находят первую нить, ведущую совсем в другую сторону.

След уводит их из офисов уважаемой логистической компании в Никосии через порты Восточного Средиземноморья — туда, где кто-то очень не хочет, чтобы правда о той ночи всплыла на поверхность. Каждый, кто приближается к ответу, платит свою цену.

Ари и Саре предстоит понять, что они готовы потерять ради того, чтобы шесть часов молчания наконец заговорили.

Заключительная книга трилогии о человеке, который думал, что оставил прошлое позади, и о женщине, ставшей ему не

свидетелем, а союзником в деле, которое оказалось больше, чем любой из них мог представить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Шаевич

Последний рейс. Книга

III. Шесть часов молчания

Глава 1

Конверт лежал на столе так, будто оказался там сам по себе — без истории, без причины, без веса. Ари Бен-Ари не сразу заметил его среди счетов и полисов, разложенных аккуратно стопками для утренней встречи с клиентом. Заметил, только когда секретарша Ривка, просунув голову в дверь, сказала, что курьер не стал дожидаться подписи.

— Странно, — добавила она. — Обычно они настаивают.

Ари кивнул, не поднимая глаз от бумаг. Курьеры приносили десятки конвертов в неделю — заявления, доверенности, копии медицинских справок. Он давно перестал обращать внимание на то, как они выглядят.

Но этот конверт был без марки. Без обратного адреса. Только его имя, написанное от руки — торопливо, будто автор боялся, что его прервут на середине буквы.

Он вскрыл его не сразу. Сначала долил кофе, ответил на два звонка, подписал документ по страховому случаю в порту — рутина, которая последние месяцы служила ему укры-

тием не хуже любого из тех, что он когда-то устраивал себе на службе. Работа консультанта давала ему право быть скучным. Право, которым он пользовался осторожно, зная его цену.

Внутри был один листок, вырванный, судя по краю, из блокнота — дешёвого, из тех, что продаются в любом киоске. Почерк узнавался сразу, хотя Ари видел его всего однажды, на полях страхового отчёта, который Коэн когда-то подделал не слишком умело.

Три строки. Без обращения, без подписи.

«22:40–04:40. Спроси про человека, который звонил на 07-450. Большие не могу. Не ищи меня здесь».

Ари прочитал их дважды. Потом сложил листок пополам, ещё раз пополам, будто это могло замедлить то, что уже происходило у него внутри.

Время совпадало. Он знал его наизусть — знал так, как знают дату собственной аварии. Шесть часов радиомолчания на «Ахероне». Промежуток, который остался в деле как пустота, вежливо обойдённая в официальном заключении, потому что заполнить её было некому.

07-450 — код телефонной линии, которого он не знал. Но был человек, для которого этот код мог что-то значить, и не в отчёте, а в жизни.

Он посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Клиент должен был прийти через пятнадцать минут.

Ари отменил встречу коротким сообщением, сославшись

на форс-мажор в другом деле — фраза, которая ничего не объясняла и потому не вызывала вопросов, — и вышел, не дожидаясь ответа Ривки.

Он не позвонил Коэну сразу. Вместо этого набрал номер, который в последний раз использовал полгода назад, — контакт, ещё оставшийся с прежних времён, человек, способный за несколько минут узнать, чист ли эфир вокруг мобильного Коэна. Ответ пришёл через восемь минут: телефон Коэна не отвечал последние два часа, но перед этим находился в движении — от Вади Ниснас в сторону порта, а затем замер и больше не двигался.

Замер. Не выключен. Просто замер.

Это слово Ари не любил. За годы службы он научился различать оттенки тишины: одна означала, что человек спит, другая — что осторожничает, третья не означала ничего хорошего.

Он поехал сам. Не потому, что верил, что успеет что-то изменить — часть его, привыкшая считать секунды с профессиональной, почти бесстрастной точностью, уже понимала, что опоздал. Просто оставаться на месте было хуже.

Квартира Коэна занимала второй этаж дома, чей фасад давно нуждался в ремонте — трещины вдоль окон, ржавые потёки под кондиционерами. Дверь была приоткрыта на ширину ладони. Не взломана — просто не заперта, будто тот, кто уходил, не собирался возвращаться и не видел смысла скрывать это.

Внутри было тихо той особенной тишиной, которая наступает после того, как в комнате что-то искали. Не разгромили — искали. Ящики выдвинуты не до конца, но именно настолько, чтобы проверить содержимое. Матрас сдвинут на пару сантиметров от изголовья. Кто-то работал методично, без злости, зная точно, что ищет.

Самого Коэна не было. Ари прошёл в кухню — на столе стояла недопитая чашка кофе, уже остывшая, с плёнкой на поверхности. Рядом лежал мобильный телефон, экран которого треснул, будто его уронили, но не разбили специально.

Он не тронул ничего. Годы работы научили его этому раньше, чем осторожности вообще, — не оставлять следов там, где может появиться кто-то другой, кому нужно будет доказать, что его здесь не было.

Стоя посреди чужой пустой кухни, Ари поймал себя на мысли, которая пришла быстрее, чем он готов был её принять: он оценивал риск для себя раньше, чем позволил себе почувствовать что-либо по поводу человека, которого, возможно, только что не стало — или стало значительно хуже, чем просто не стало.

Это был рефлекс. Старый, надёжный, тот самый, что когда-то держал его в живых на трёх континентах. Он ненавидел его в себе именно за эту надёжность.

Он вышел из квартиры так же тихо, как вошёл, спустился к машине и только там, сидя за рулём, не заводя двигатель, набрал номер Сары.

— Ари? — её голос был спокоен, обычен, ещё не тронут тем, что он собирался сказать.

— Мне нужно, чтобы ты была дома через двадцать минут, — сказал он. — Не спрашивай пока ничего по телефону.

Пауза на другом конце длилась секунду — ровно столько, сколько требовалось, чтобы понять: это не о работе, не о рутинном деле. Затем она просто сказала:

— Хорошо.

Он положил телефон на пассажирское сиденье и наконец завёл машину.

По дороге он думал не о Коэне — точнее, запрещал себе думать о Коэне, откладывая это на потом, как откладывал многое за эти месяцы, — а о числах. 22:40–04:40. Шесть часов, которые два года лежали в деле пустым пятном, потому что заполнить их было некому. Теперь, кажется, нашёлся человек, знавший хотя бы часть ответа. И этого оказалось достаточно, чтобы он исчез.

Он подумал о Тори, который умел добиваться результата, не повышая голоса. О Гроссу, чья двойная сделка создавала цепь, где каждое звено рано или поздно должно было предать следующее. И о Врабие — имени, которое до сих пор существовало скорее как функция, чем как лицо.

Кто-то из них — или все сразу — уже знал, что записка существует. Или, по крайней мере, знал, что Коэн собирался её отправить.

Сара ждала его у входа, когда он подъехал — руки скре-

щены на груди, взгляд уже настороженный, хотя он ещё не сказал ни слова. За месяцы, прошедшие после Лимассола, она научилась читать его лицо быстрее, чем он успевал подобрать слова.

— Что случилось? — спросила она, как только он вышел из машины.

Ари достал из кармана сложенный вчетверо листок и протянул ей, не разворачивая.

— Коэн, — сказал он. — Он вышел на связь. А потом исчез.

Сара развернула бумагу, прочитала три строки один раз, затем ещё раз, медленнее.

— Это про «Ахерон», — тихо сказала она. Не вопрос — утверждение.

— Это про шесть часов, которых не было в отчёте, — ответил он. — И, судя по всему, кто-то очень не хотел, чтобы они там появились.

Она подняла на него глаза, и в них уже не было того осторожного спокойствия, с которым она встречала его последние недели — только прежняя острота, та самая, что заставила её когда-то в одиночку разбираться в документах, которые могли стоить ей жизни.

— С чего начинаем? — спросила она.

Ари посмотрел на дом Коэна вдалеке — уже недостижимый, уже часть прошлого, — и впервые за это утро позволил себе почувствовать то, что откладывал: не вину, а нечто

более холодное и практичное. Понимание, что дело, которое они считали почти закрытым, только что открылось заново — и на этот раз цена входного билета была заплачена не ими.

— Начинаем с номера 07-450, — сказал он. — И с того, кто на него звонил в ночь на «Ахероне».

Глава 2

Номер 07-450 не принадлежал ни одной из баз, к которым у Ари ещё оставался доступ. Это само по себе было информацией — обычные линии, даже засекреченные, оставляли хоть какой-то след в реестрах операторов. Отсутствие следа означало либо спутниковую связь, либо оборудование, которое проводили мимо стандартных каналов регистрации.

Сара сидела напротив него за кухонным столом, ноутбук открыт, но экран уже потемнел от бездействия — она давно перестала печатать и просто смотрела, как он раскладывает по столу три листа бумаги, будто карты.

— Ты уверен, что это код связи, а не что-то другое? — спросила она. — Дата, счёт, идентификатор партии груза?

— Формат неправильный для всего перечисленного. — Ари постучал пальцем по цифрам. — Семь-четыре-пять-ноль. Это похоже на внутренний номер закрытой сети. Такие используют, когда не хотят, чтобы звонок можно было привязать к обычному оператору.

— Кто может это использовать?

— Спецслужбы. Крупные логистические структуры с собственной защищённой связью. — Он помолчал. — Или те, кому есть что скрывать от обеих категорий сразу.

Сара забрала у него листок, повертела его, будто цифры могли сложиться в другой узор при повороте.

— Данубия, — сказала она наконец. — У них есть собственная сеть связи для координации маршрутов. Я видела упоминание в документах, которые мне передал Юсуф — тогда, в Лимассоле. Не номера, просто формат: закрытые линии для «особых грузов».

Ари посмотрел на неё внимательнее, чем требовал сам факт.

— Ты никогда не говорила мне про эту деталь.

— Тогда она не казалась важной. — Сара пожалала плечами, но взгляд у неё был не таким лёгким, как жест. — Тогда важно было выжить, а не собирать пазл на будущее.

Он не стал развивать эту тему — не время было ворошить Лимассол, хотя часть его понимала, что рано или поздно придётся. Вместо этого он вернулся к листку.

— Если это линия Данубии, то человек, звонивший в ту ночь на «Ахерон», был либо частью экипажа, либо кем-то, кто санкционировал этот звонок сверху.

— А если санкционировал сверху, — тихо сказала Сара, — то шесть часов молчания — это не провал связи. Это выключенная связь.

Ари замер на секунду, ощущая, как простая фраза меняет всю картину. Отчёт службы говорил о технической неисправности передатчика. Если Сара права, то неисправности не было — было решение.

— Кто мог отдать такой приказ? — спросил он, скорее себя, чем её.

— Тори мыслит процедурами, — ответила Сара. — Он не станет лично звонить на корабль в разгар операции — слишком грубо для него, слишком заметно.

— Гроссу, — сказал Ари. — Он логист. Маршруты, координация, связь с судами — это его территория.

— Тогда зачем ему выключать связь на собственном грузе? Это же его прибыль тонет вместе с «Ахероном».

Вопрос повис между ними без ответа, и Ари понял, что именно в этом расхождении — между логикой прибыли и логикой убийства — и спрятана вся суть дела. Кто-то посчитал, что молчание на борту дороже, чем груз внутри него.

Он встал, прошёлся до окна, вернулся. Привычка, оставшаяся с времён, когда движение помогало думать быстрее, чем сидение на месте.

— Есть ещё один вариант, — сказал он. — Гроссу не отдавал приказ. Он его получил.

Сара подняла взгляд.

— От кого?

— От того, кто стоит выше логистики. От того, для кого судно с экипажем — расходный материал, а не актив.

Он не произнёс имя Врабие вслух — оно и так повисло в комнате, тяжёлое, как сама формулировка. До сих пор Врабие существовал для них как структура, не как человек: подписи под сделками, слухи, отголоски в разговорах чужих людей. Если он лично санкционировал отключение связи, значит, «Ахерон» с самого начала был не аварией логистиче-

ской цепи, а спланированной зачисткой.

— Нам нужен кто-то, кто подтвердит формат линии, — сказала Сара, возвращая разговор в практическое русло. — Не догадка, а факт.

— У Данубии наверняка ведётся журнал использования закрытых линий. Даже если он спрятан — такие вещи никогда полностью не уничтожают, потому что кто-то наверху должен иметь возможность проверить подчинённых.

— И где искать этот журнал?

Ари не ответил сразу. Ответ у него уже был — он просто не хотел произносить его слишком быстро, зная, чего он потребует.

— В Никосии, — сказал он наконец. — Мне пришло приглашение на встречу по продлению соглашения с Данубией. Три дня назад. Я отложил ответ, потому что не видел смысла туда ехать.

Сара медленно откинулась на спинку стула.

— А теперь видишь.

— Теперь у меня есть причина оказаться там, где хранится то, что нам нужно, — сказал Ари. — Официально — как консультант, продлевающий контракт. Неофициально...

— Неофициально ты будешь искать журнал закрытой линии на территории людей, которые, возможно, только что убили человека за то, что он приблизился к этой же информации, — закончила она за него.

Он не стал спорить с формулировкой. Она была точна, а

точность сейчас казалась важнее утешения.

— Я поеду один, — сказал он.

Это вырвалось быстрее, чем он успел подумать, и в тот же момент он понял, что сказал не то, что чувствовал, а то, к чему привык за годы одиночной работы. Сара смотрела на него без возмущения — скорее с той усталой прямоотой, с которой смотрят на человека, повторяющего старую ошибку.

— Мы уже это проходили, — сказала она. — В прошлый раз ты тоже решил, что одному безопаснее. Кончилось тем, что я узнавала о твоих планах постфактум, а не потому что ты мне доверял.

— Тогда было другое. Тогда я не знал, можно ли тебе доверять то, что знаю.

— А сейчас?

Вопрос был простым, но Ари почувствовал в нём вес, несоразмерный длине фразы. Он посмотрел на листок с записью Коэна, всё ещё лежавший между ними на столе — три строки, за которыми, возможно, стояла чья-то смерть.

— Сейчас я знаю, что если с тобой что-то случится, потому что я не сказал тебе вовремя — это будет хуже, чем если ты будешь рядом и рискнёшь вместе со мной, — сказал он.

Это было не признание в чувствах — ни один из них не нуждался сейчас в подобной сцене. Это было утверждение факта, взвешенное так же трезво, как оценка риска для Коэна утром того же дня. Но Сара, кажется, услышала в этом больше, чем он вложил намеренно, потому что на секунду её

лицо смягчилось — не улыбка, просто ослабление того напряжения, с которым она держала себя с момента его звонка.

— Тогда решай, как я еду с тобой, — сказала она. — Не как свидетель. Как часть операции.

Ари кивнул, хотя внутри у него уже начинал складываться план, в котором её роль была куда рискованнее, чем простое присутствие рядом.

— У тебя есть медицинское прикрытие, — сказал он. — Ты можешь оказаться в Никосии как консультант по вопросам страхования здоровья экипажей — это ложится в легенду естественно, у Данубии есть подобные контракты.

— А ты?

— Я буду там, где хранятся документы, которые не показывают консультантам по продлению соглашений.

Сара долго смотрела на него, затем перевела взгляд на листок с почерком Коэна — торопливым, испуганным, оборванным на полуслове.

— Если мы правы насчёт того, кто выключил связь на «Ахероне», — сказала она тихо, — то мы едем не разговаривать с логистической компанией. Мы едем в дом человека, который посчитал двадцать три жизни приемлемой ценой за молчание.

— Да, — сказал Ари. — Именно поэтому мы едем вместе. За окном начинало темнеть — тот час, когда Хайфа обычно теряла резкость дневных контуров и становилась чередой огней вдоль склона. Ари убрал листок Коэна обратно в кар-

ман, туда, где документы не мялись и не терялись, и посмотрел на Сару в последний раз перед тем, как перейти к деталям поездки.

— Встреча через пять дней, — сказал он. — У нас не так много времени, чтобы подготовить твою легенду и проверить, кто ещё будет в делегации Данубии.

Сара уже открывала ноутбук заново, экран вспыхнул, разгоняя тени в комнате.

— Тогда начнём с делегации, — сказала она. — Потому что если Врабие пришлёт кого-то лично — нам нужно знать это заранее, а не в момент, когда мы окажемся с ним лицом к лицу.

Глава 3

Делегация Данубии, по данным, которые Сара собрала за три дня, состояла из шести человек, но реальный вес имели только двое: Элиас Тори, курировавший юридическую сторону соглашений, и женщина по имени Ирина Вельд, значившаяся как «директор по операционной координации» — должность настолько расплывчатая, что могла означать что угодно, от логистики до личной охраны интересов Врабие.

— Она новая, — сказала Сара, разворачивая ноутбук так, чтобы Ари видел экран. — Появилась в документах Данубии полтора года назад. До этого — полное отсутствие цифрового следа. Ни соцсетей, ни упоминаний в реестрах компаний, ни визовой истории, которую можно наугадить открыто.

— Человек без прошлого, — сказал Ари. — Или прошлое тщательно вычищено.

— Второе вероятнее. Такую чистоту не получают случайно.

Он рассматривал фотографию, которую Саре удалось найти — единственную, с корпоративного мероприятия двухлетней давности, где Вельд стояла на заднем плане, вполоборота, будто нарочно избегая камеры. Что-то в её позе — не поза случайного гостя, а поза человека, привыкшего контролировать, что и как о нём фиксируется.

— Если Тори действует через процедуры, — сказал Ари,

— то она, возможно, действует через людей. Наблюдение, вербовка, зачистка последствий.

— Тогда встреча в Никосии — не просто продление контракта.

— Это проверка нас, — закончил он. — Кто-то наверху хочет посмотреть, что мы за фигуры теперь, после Лимассола.

Сара закрыла ноутбук и посмотрела на него — не с тревогой, а с той сосредоточенностью, которую он уже научился отличать от осторожности.

— Значит, нам нельзя выглядеть слишком заинтересованными в архивах, — сказала она. — И нельзя выглядеть слишком безразличными. Первое вызовет подозрение, второе — вопрос, зачем вообще ехать.

— Золотая середина — обычный профессиональный интерес, — сказал Ари. — Ты приезжаешь обсудить условия медицинского обеспечения для экипажей на новых маршрутах. Я — продлить консультационное соглашение и, между делом, поднять вопрос компенсации по делу «Ахерона», раз уж оно до сих пор считается открытым с точки зрения страховки.

— Это даст тебе повод спросить про архивы связи?

— Это даст мне повод находиться в здании дольше, чем требует одна встреча, — сказал Ари. — Остальное я найду сам.

Никосия встретила их сухим ветром и белым от солнца

асфальтом привокзальной площади. Офис Данубии занимал три верхних этажа стеклянной башни в деловом квартале — здание, спроектированное так, чтобы выглядеть прозрачным и при этом не позволять увидеть изнутри ничего, кроме отражений соседних фасадов.

Тори встретил их лично у ресепшена — невысокий, аккуратно одетый человек, чьё рукопожатие было ровно настолько крепким, чтобы не показаться слабым, и ровно настолько коротким, чтобы не показаться навязчивым.

— Господин Бен-Ари, — сказал он, и в голосе не было ни тепла, ни холода — только идеально откалиброванная нейтральность. — Рад, что вы всё же решили приехать. И, — он перевёл взгляд на Сару, — насколько понимаю, вы теперь работаете с доктором Арис?

— Консультируем друг друга, когда области пересекаются, — сказала Сара, прежде чем Ари успел ответить. — Страхование здоровья экипажей связано с общими рисками маршрутов. Логично объединить визиты.

Тори кивнул — жест, который не выражал ни согласия, ни сомнения, а лишь фиксацию информации.

— Разумно, — сказал он. — Пройдёмте, у нас переговорная на двадцать втором этаже.

Пока они шли по коридору, Ари считал: количество камер на потолке, расположение дверей без опознавательных знаков, интервалы между сотрудниками службы безопасности, стоявшими у лифтов с той расслабленностью, которая

на деле означает постоянную готовность. Всё в этом здании было спроектировано так, чтобы выглядеть обычным офисом логистической компании — и именно поэтому казалось особенно тщательно срежиссированным.

Переговорная оказалась стеклянной комнатой с видом на город, стол — минималистичный, почти пустой, если не считать папки с документами, разложенными с точностью, исключаящей случайность.

Разговор начался с формальностей — продление соглашения, обновлённые тарифы, стандартные пункты о конфиденциальности. Ари отвечал автоматически, часть его сознания следила за ритмом беседы, другая — за деталями комнаты: за тем, как Тори время от времени бросал короткий взгляд на дверь, будто ожидал кого-то ещё.

Ожидание оправдалось спустя двадцать минут.

Дверь открылась без стука, и вошла женщина, которую Ари узнал сразу по фотографии, хотя в жизни она производила другое впечатление — более собранное, менее случайное. Ирина Вельд двигалась так, как двигаются люди, привыкшие, что их появление меняет расстановку сил в комнате, даже если никто не произносит этого вслух.

— Простите за опоздание, — сказала она, садясь напротив Сары, а не напротив Ари — выбор, который явно не был случайным. — У нас возник вопрос по маршруту через Лимассол, который показался мне достаточно важным, чтобы обсудить его лично.

Слово «Лимассол» повисло в комнате чуть дольше, чем требовала фраза. Ари почувствовал, как Сара рядом едва заметно напряглась — не испуганно, а собранно, как человек, готовящийся к удару, который может прийти с любой стороны.

— Мы знакомы с рисками этого региона, — сказала Сара ровно. — Именно поэтому я здесь — предложить обновлённый протокол медицинской поддержки для экипажей на сложных маршрутах.

— Конечно, — сказала Вельд, и на секунду её взгляд задержался на Саре чуть дольше, чем требовала простая вежливость. — Ваш опыт в этом вопросе... впечатляет. Особенно учитывая обстоятельства, при которых вы его получили.

Это была не угроза — по крайней мере, не прямая. Но Ари уловил в фразе то же самое, что почувствовал утром, стоя в пустой квартире Коэна: методичность человека, который знает больше, чем показывает, и хочет, чтобы собеседник понял это без лишних слов.

— Обстоятельства редко бывают идеальными, — сказал Ари, беря на себя часть напряжения, которое повисло между Сарой и Вельд. — Именно поэтому важно работать с теми, кто умеет учиться на них.

Вельд перевела взгляд на него — впервые за всё время разговора, будто до этого момента он не представлял для неё достаточного интереса.

— Учиться, — повторила она, словно пробуя слово на

вкуса. — У вас репутация человека, который учится быстро, господин Бен-Ари. Иногда быстрее, чем это удобно окружающим.

Тори, до этого молчавший, сделал едва уловимое движение рукой — не жест, а намёк на жест, — и Вельд, поймав его, слегка откинулась назад, будто напоминая себе о границах разговора.

— В любом случае, — сказала она уже мягче, — мы ценим вашу лояльность все эти годы. Именно поэтому хотели убедиться, что новое соглашение учитывает... возросшую сложность вашей роли.

Она пододвинула по столу папку — новый вариант контракта, судя по логотипу на обложке. Ари взял её, не открывая.

— Изучим внимательно, — сказал он.

— Не сомневаюсь, — сказала Вельд, вставая. — Кстати, господин Тори покажет вам архив — там хранятся старые протоколы по делу «Ахерона», раз уж вопрос компенсации всё ещё технически открыт. Возможно, вам будет полезно свериться с оригиналами, прежде чем подписывать новые обязательства.

Фраза прозвучала как любезность. Ари понял её иначе: это было приглашение — и одновременно проверка, зайдёт ли он туда сам, или предпочтёт держаться подальше от того, что могло быть ловушкой.

— Буду признателен, — сказал он.

Вельд коротко улыбнулась — улыбкой, не достигавшей глаз, — и вышла из комнаты так же бесшумно, как вошла.

Когда дверь закрылась, Тори посмотрел на обоих с тем же ровным, ничего не выражающим спокойствием, с которого начал встречу.

— Архив на восемнадцатом этаже, — сказал он. — Я провожу вас лично. Некоторые документы там... требуют определённой осторожности при обращении.

Ари поймал взгляд Сары — короткий, но достаточный, чтобы обменяться тем, что не стоило произносить вслух в этой комнате: они оба поняли, что дверь, к которой их вели, могла вести как к доказательству, так и к ловушке, и разница между этими двумя исходами будет зависеть от того, что именно Тори решит им показать.

Восемнадцатый этаж не был похож на архив в привычном смысле. Ари ожидал увидеть ряды шкафов, папки, может быть, запах старой бумаги — вместо этого коридор привёл их в комнату, больше напоминающую серверную: ряды шкафов с электронными носителями, климат-контроль, поддерживающий температуру на несколько градусов ниже, чем в остальном здании, и единственный стол с терминалом, за который усадили посетителей.

— Здесь только цифровые копии, — сказал Тори, вводя код доступа с той же ровной методичностью, с которой говорил весь день. — Оригиналы физических документов хранятся в другом месте, по соображениям безопасности. Но

для целей компенсации вам будет достаточно этого.

Он развернул монитор к Ари.

— Дело «Ахерона». Полный протокол расследования со стороны компании, включая техническое заключение о неисправности связи.

Ари начал листать документы с нарочитой неторопливостью человека, действительно интересующегося вопросом компенсации, а не ищущего конкретную деталь. Сара стояла рядом, глядя через его плечо — легенда позволяла ей проявлять интерес, не вызывая подозрений: как консультант по медицинскому обеспечению экипажей, она вполне могла интересоваться обстоятельствами гибели людей на борту.

Техническое заключение было составлено безупречно — настолько безупречно, что сама эта безупречность казалась подозрительной. Ари узнавал стиль подобных документов: реальные аварийные отчёты почти всегда содержат несостыковки, оговорки, признаки того, что несколько человек с разным доступом к информации писали разные части. Этот же читался как единый, цельный текст, будто его сочинил один человек, знавший заранее, какой должна быть картина.

— Здесь указано, что передатчик вышел из строя в 22:38, — сказал Ари, не поднимая взгляда от экрана. — А восстановлен в 04:41. Практически те же цифры, что были у меня.

— Официальное время инцидента, — подтвердил Тори. — Утверждено морской комиссией по результатам осмотра оборудования.

— Осмотр проводился после того, как судно было отбуксировано в порт?

— Разумеется. Раньше это было невозможно логистически.

Ари кивнул, будто принимая объяснение, хотя в этот момент он уже понимал главное: если передатчик осматривали только после буксировки, значит, у кого-то было достаточно времени — те самые шесть часов, — чтобы обеспечить техническую картину, соответствующую нужной версии событий. Неисправность можно было создать искусственно, а затем устранить, оставив после себя ровно ту степень повреждения, которая объясняла бы молчание, не вызывая дополнительных вопросов.

Он поискал взглядом журнал использования закрытых линий связи — то, ради чего они, собственно, приехали. В структуре файлов такой раздел отсутствовал.

— А журнал внутренних коммуникаций Данубии за этот период? — спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как техническая формальность, а не как то, чем на самом деле являлся.

Что-то — едва уловимая пауза, не больше секунды — прошло по лицу Тори прежде, чем он ответил.

— Внутренние коммуникации не относятся к материалам компенсационного дела, — сказал он. — Это отдельная категория документов, доступ к которой требует специального разрешения от юридического отдела головного офиса.

— Разумеется, — сказал Ари, будто вопрос был исчерпан.

Но пауза сказала ему больше, чем любой ответ. Журнал существовал — иначе не было бы нужды объяснять, почему доступ к нему ограничен. Вопрос был не в существовании, а в том, где именно он хранится и как до него добраться, не привлекая внимания человека, который сейчас стоял в полуметре от них, контролируя каждое их движение по этой комнате.

Сара, до этого молчавшая, сделала шаг вперёд, будто разглядывая что-то на экране.

— Простите, — сказала она, обращаясь к Тори, — а протоколы медицинской помощи, оказанной пострадавшим при буксировке — они тоже хранятся отдельно? Мне нужно это для сравнительного анализа, чтобы предложить обновлённые нормативы.

Это был отвлекающий манёвр — Ари понял это по интонации, слишком гладкой для случайного вопроса, — призванный увести внимание Тори в сторону, пока сам Ари быстро оценивал структуру файловой системы на экране.

— Медицинские протоколы находятся в соседнем разделе, — ответил Тори, поворачиваясь к другому терминалу, чтобы показать Саре нужные файлы.

В те секунды, что Тори был отвлечён, Ари успел заметить одну деталь: в структуре папок значилась категория с названием «Служебная переписка — ограниченный доступ», защищённая паролем, но саму иконку файла — с временной

меткой — программа отобразила автоматически. Дата создания архива совпадала день в день с датой официального технического заключения по «Ахерону».

Это ничего не доказывало напрямую. Но это означало, что где-то в этом здании — или в другом, более защищённом месте — хранился журнал, способный либо подтвердить, либо опровергнуть версию о случайной неисправности. И теперь у Ари было по крайней мере имя папки, которое можно было передать людям, всё ещё способным добыть доступ иначе, чем через вежливую просьбу.

Тори повернулся обратно к ним, закрывая раздел с медицинскими протоколами.

— Что-нибудь ещё интересует вас в контексте компенсационного дела? — спросил он, и в его голосе Ари послышалась едва уловимая, но отчётливая проверка — не праздное любопытство, а желание убедиться, что визит действительно ограничивается заявленной целью.

— Думаю, этого достаточно для начала, — сказал Ари, закрывая документы на экране. — Мне нужно проконсультироваться с юристом клиента, прежде чем формулировать окончательный запрос по компенсации.

— Разумно, — снова сказал Тори — то же слово, которым он охарактеризовал решение Сары сопровождать Ари в начале встречи. Будто «разумность» была для него высшей категорией одобрения, применимой одинаково к деловым решениям и человеческим поступкам.

Он проводил их обратно к лифту с той же ровной вежливостью, с которой встретил у входа. Прощаясь, он пожал руку сначала Ари, затем, чуть дольше, чем требовалось, — Саре.

— Доктор Арис, — сказал он, — если вам понадобится дополнительная информация для вашего анализа — обращайтесь напрямую ко мне. Не через общие каналы компании.

Это прозвучало как любезность. Но когда двери лифта закрылись и здание Данубии осталось позади стеклянным отражением полуденного солнца, Сара произнесла то, что Ари думал сам всю дорогу вниз:

— Он не предлагал мне помощь. Он предлагал канал, через который сможет следить, что я делаю с информацией дальше.

— Да, — сказал Ари. — И то, что он выделил именно тебя для этого — не случайность.

Они молчали до самой машины, взятой напрокат в аэропорту, — молчание, в котором каждый прокручивал в голове то, что увидел: Ари — название защищённой папки, совпадающей датой с официальным заключением; Сара — то, как Вельд произнесла слово «Лимассол», будто проверяя, дрогнет ли у неё голос.

— Журнал существует, — сказал наконец Ари, садясь за руль. — «Служебная переписка — ограниченный доступ». Дата создания архива совпадает с датой заключения

по «Ахерону».

— Совпадение? — спросила Сара, хотя по тону было ясно, что она и сама не верит в этот вариант.

— Слишком точное совпадение для случайности, — ответил он. — Кто-то создал этот архив в тот же день, когда официальная версия событий была утверждена. Как будто одно было условием другого.

Сара смотрела в окно, на белые стены зданий, размытые полуденным маревом.

— Значит, следующий шаг — добраться до этого архива, — сказала она. — Но не через вежливые запросы к юридическому отделу.

— Нет, — согласился Ари. — Через кого-то, у кого есть доступ, но нет причин быть лояльным Данубии до конца.

Он вспомнил слова Сары из карты, которую они обсуждали месяцем ранее — не буквально, но по сути: Гроссу, чья мечта исчезла после последней сделки, человек, для которого двойная продажа груза уже создала цепь будущих предательств. Если у кого-то и был мотив однажды открыть дверь, которую Данубия так тщательно держала закрытой — то, вероятнее всего, это был именно он.

— Гроссу, — сказал Ари вслух.

Сара повернулась к нему, и впервые за весь день на её лице отразилось что-то похожее на осторожную решимость.

— Тогда нам нужно выяснить, где его искать, — сказала она, — прежде чем кто-то другой поймёт, что он — самое

слабое звено во всей этой цепи.

Глава 4

Найти Виктора Гроссу оказалось сложнее, чем предполагал Ари, и легче, чем он опасался — в равной степени. Официально он числился директором по логистике в дочерней структуре Данубии, зарегистрированной на Кипре, но физически последние полгода почти не появлялся в офисе, предпочитая работать через посредников и встречаться с партнёрами в третьих местах — портах, отелях, случайных ресторанах, где не задают лишних вопросов о том, кто с кем обедает.

— Он в Ларнаке, — сказала Сара, закрывая ноутбук после трёх часов работы с открытыми базами судовых реестров и таможенных деклараций. — По крайней мере, три судна с грузом, зарегистрированным на структуры, связанные с ним лично, а не с Данубией напрямую, разгружались там за последний месяц.

— Личные структуры, — повторил Ари. — Значит, двойная продажа, о которой мы говорили, — это не разовая ошибка. Это система.

— Или отчаяние, которое стало системой, потому что другого выхода он не видит.

Они сидели в съёмной квартире в Никосии — временное пристанище, пока не решат следующий шаг, — и за окном сгущались те же сухие сумерки, что провожали их из офи-

са Данубии накануне. Ари разложил на столе распечатки с судовыми маршрутами, пытаясь найти закономерность в хаотичном на первый взгляд перемещении Гроссу между портами.

— Если мы поедem к нему напрямую, — сказал он, — он либо испугается и исчезнет, как Коэн, либо решит, что мы — часть проверки со стороны Данубии, и доложит о нас Тори из чистого инстинкта самосохранения.

— Тогда нужен посредник, — сказала Сара. — Кто-то, кому он может доверять — или хотя бы не воспринимать как прямую угрозу.

Ари долго молчал, глядя на список портов, прежде чем в памяти всплыло имя, которое он не произносил уже несколько месяцев.

— Рафи, — сказал он.

Сара подняла взгляд.

— Твой куратор?

— Бывший куратор. — Ари поморщился от собственной формулировки: отношения с Рафи никогда полностью не укладывались в прошедшее время. — Он всё ещё в системе. У него есть контакты, которые не оставляют цифрового следа, и, что важнее, у него есть репутация человека, который решает проблемы тихо, не привлекая внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.